

Мольер Жан Батист

Мизантроп, или Нелюдим

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ж27

Ж27 **Жан Батист М.**
Мизантроп, или Нелюдим / Мольер Жан Батист – М.: Книга по Требованию, 2023. –
122 с.

ISBN 978-5-519-97266-6

ISBN 978-5-519-97266-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

нему горячность, и показываешь ты мне, что онъ тебѣ ничто. О! это гнусно, подло и безчестно, чтобъ такъ безстыдно измѣнить своему сердцу. Есть-либъ къ несчастію когданибудь я это сдѣлалъ, я бы шотчасъ пошелъ и удавился.

Филинтъ.

А что до меня касается, я не думаю, чтобъ это стоило удавки; и прошу не прогнѣваться, что я себя люблю и давиться еще не намѣренъ.

Альцестъ.

О! какъ несмѣшно шутишь!

Филинтъ.

Безъ шутокъ говоря; какъ же по швоему обходишься надобно?

Альцестъ.

Надобно быть чистосердечну, и никогда честному человѣку не должно того говорить, что съ сердцемъ его не согласо.

Филинтъ.

Но когда человѣкъ съ радостію тебя обнимаетъ и ласкается къ тебѣ, то ви, надобно имѣть же ему плашить; надобно оповѣстствовать, сколько возможно, на е

учтивства, предлагаешь услуги за услуги и клятвы ему дѣлать.

Альцестъ.

Нѣтъ ; я не могу этой подлой пошупки терпѣть; знаю, что большая часть васъ, свѣтскихъ людей, это дѣлаешь; но я ничего такъ не ненавижу, какъ ужимокъ этихъ смѣшныхъ подбѣгальщиковъ, этихъ вѣрнопраховъ, обнимальщиковъ. этихъ пусторѣчивыхъ дружбою увѣрятелей; этихъ, которые, жедая превзойти учтивства всѣхъ людей, честнаго человека и дурака равно почитаютъ. Какая тебѣ въ томъ польза. если такой человекъ къ тебѣ ласкается, клянется дружбою, вѣрностію, усердіемъ, почтеніемъ, нѣжностію и выхваляешь себя до небесъ, когда онъ первому дураку, который ему встрѣшится, то же дѣлаешь и говоришь? Нѣтъ, нѣтъ; кто имѣетъ благородную душу, тотъ не желаетъ такого превращельнаго почтенія; и самый знатный человекъ мадо не дѣлаетъ чести, если равняетъ место всемъ свѣтомъ. Почтеніе основаніе имѣетъ на какомъ нибудь преимуществѣ, а то уже не почтеніе, когда пося весь свѣтъ. Если и ты зара- имъ порокомъ нашихъ временъ, то

то вѣдай, что я съ тобою ужиться не могу, и удаюсь отъ шакого благосклоннаго человѣка, которой не раздѣляетъ достоинства. Я хочу отъиенѣ быть отъ другихъ; и лучше тебѣ сказать: другъ всему роду человѣческому не можешь быть моимъ другомъ.

Филиппъ.

Но живучи въ свѣтѣ, должно дѣлать то, что дѣлаютъ другіе, и посядовать обыкновенію.

Альцестъ.

Нѣтъ, я тебѣ говорю, должно безъ жалости изъбавлять этотъ гнусный обычай и наружные знаки дружбы; хочу я, чтобъ поступали по человѣчески, чтобъ наши рѣчи при всѣхъ случаяхъ объявляли глубину нашего сердца, и чтобъ наши мнѣнія никогда пустыми учтивствами закрыты не были.

Филиппъ.

Но случается то, что излишняя искренность бываетъ очень смѣшна и непозволительна; и правду тебѣ сказать, что бы твоя честность мнѣ ни говорила, только я увѣряю, что иногда потребно скрывать сердечное чувствіе. Прилично ли и нужно ли говорить великому числу

людей по, что объ нихъ ни думаемъ? По этому должно и того, кого мы ненавидимъ, или кто намъ не нравилося, вглаза о томъ сказывать?

Альцестъ.

Да.

Филинтъ.

Какъ! ты скажешь престарелой Эмидіи вглаза, что объ лѣтами ея не сходно кокетствовашъ, и что ея румяны гнусны всякому человѣку?

Альцестъ.

Конечно.

Филинтъ.

И Дориму, что онъ безстыденъ, и что онъ при Дворѣ пробрюзжалъ всѣмъ уши, рассказывая о своей храбросии и знатности своего рода?

Альцестъ.

Безъ сомнѣнія.

Филинтъ.

О! ты шутишь.

Альцестъ.

Не шучу, и не пощажу ни одного человѣка; смущенные мои глаза ни при Дворѣ, ни въ городѣ не видятъ человѣка, которой бы меня не бѣсилъ. Печалюсь, сѣшую и сержусь, видя такое человѣческое

ское обхожденіе; все преисполнено вреднымъ ласкательствомъ, неправосудіемъ, сребролюбіемъ, плутовствомъ, измѣною; не могу долѣе терпѣть, бѣшусь и намѣренъ со всемъ родомъ человѣческимъ поесориться.

Филинтъ.

Эта философская строгость нѣсколько дика; я смѣюсь напрасному твоему гнѣву, и думаю, смотря на тебя и на себя, и будучи вмѣстѣ съ тобою восхищанъ, что мы изображенные въ школѣ мужей два несходные брата, которые - - -

Альцестъ.

О Боже! оставь пожалуй такіе сухіе примѣры.

Филинтъ.

Нѣтъ, говоря прямо, ты оставь свою запальчивость; свѣтъ по твоему нраву не передѣлается: а для того что тебѣ откровенность такъ угодна, я не обинуясь тебѣ говорю, что твои слабости составляютъ комедію, и жестокое твое къ нынѣшнимъ нравамъ неудовольствіе сдѣлаетъ тебя у всѣхъ людей смѣшнымъ и презрительнымъ.

Альцестъ.

ТѢмъ лучше, къ чорту! тѢмъ лучше; того я и хочу, то для меня и пріятно, тому я и радоваться буду. Я столько людей ненавижу, что печально бы мнѣ было, ежелибъ они разумнымъ меня почитали.

Филинтъ.

Такъ ты очень на людей прогнѣвался?

Альцестъ.

Да, я ужасную къ нимъ ненависть имѣю.

Филинтъ.

Такъ всѣ бѣдныя люди, не исключая никого, тебѣ прошивны? Или есть таки въ нашемъ вѣкѣ нѣкоторыя . . .

Альцестъ.

Нѣтъ, всѣ обще; я всѣхъ людей ненавижу, однихъ за то, для чего льстивы и злы, другихъ, для чего они злыхъ почитаютъ и для чего ихъ такъ не ненавидятъ, какъ надлежитъ честному челоуѣку пороки ненавидѣть. Живой тому примѣръ есть учтивство, которое всѣ дѣлаютъ этому негодному моему сопернику. Бездѣльника не закрываетъ въ немъ его маска: такъ объ немъ всѣ и думаютъ, каковъ онъ есть. Обманчи-
вые

вые его глаза и выговоръ вастѣичивой
могущъ обольстить только чужестран-
цовъ. Знаютъ, что сей гнусный плу-
тецъ подлыми дѣлами произошелъ, и
что стыдно добродѣтели и несносно
достоинствуамъ, что такой человекъ
знаменъ въ свѣтѣ. Какъ его гдѣ ни
брани, никто за него не вступается; на-
зываютъ его обманщикомъ, плутомъ, не-
годнымъ человекомъ, все въ томъ со-
гласны, никто не противорѣчитъ; но
при всемъ томъ, куда онъ ни придетъ,
его встрѣчаютъ, съ нимъ шутящъ и
ко всемъ онъ подождется. А ежели
случится гдѣ чрезъ дѣло и презри-
тельные происки сыскать чинъ, онъ
шутъ и у лучшаго человека изъ рукъ
выхваляшъ. Чортъ меня возьми! это
смертельныя для меня раны, когда я ви-
жу, что съ пороками такъ оспорожно
обходятся. Часто, часто мнѣ прихо-
дитъ на мысль удалиться отъ всѣхъ
людей и жить въ пустынѣ!

Филиппъ.

О Боже мой! оставимъ безъ огорче-
нiя нравы нынѣшняго времени, и сколько
нибудь пожалѣемъ о натурѣ человѣче-
ской. Не станемъ осуждать ее такъ
стро-

строга и будемъ снисходительнѣе къ слабостямъ человѣческимъ; въ свѣтѣ должно имѣть добродѣтели возможныя; иногда излишняя премудрость дѣлаешь дуракомъ; прямой разумъ убѣгаетъ всѣхъ чрезвычайностей; его надлежитъ всегда употреблять съ умѣренностію: эта строгая древнихъ вѣковъ къ добродѣтелямъ любовь весьма съ нынѣшними временами и обычаями не согласна; она требуетъ излишняго совершенства отъ смертныхъ; а надлежитъ безъ упрямства угождать обстоятельствомъ времени, и великое это дурачество, если стараться исправлять свѣтъ. Я вседневно вижу, такъ какъ и ты, тысячу дѣйствій противныхъ разуму; но за то, такъ какъ ты, опнюдь не сержусь, и ни одинъ человѣкъ въ бѣшенствѣ меня не видитъ. Почитая людей такими, каковы они есть, обыкъ я сносить все, что они дѣлаютъ, и уповаю, что въ городѣ и при дворѣ мою умѣренность столько Философіею называютъ, сколько и бѣшенство швов.

Альцестъ.

Но эта умѣренность, господинъ Моралистъ, эта умѣренность, съ которою
ины

ты такъ разсуждаешь , развѣ ни за что не разгорячаешься ? Когда , на примѣръ , имѣнишь тебѣ другъ , когда для похищенія имѣнія твоего поставяишь на тебя сѣти , или когда для поруганія твоего имени пропускаишь дурные слухи : не ужь то всё это ты не гнѣваясь снесешь ?

Филинтъ.

Да , я сочту эти пороки пороками сродными человѣческой натурѣ , и больше не разсержусь , видя людскія обманства , правосудіе и сребролюбіе , какъ столько , сколько я сержусь видя ястреба усмирённаго на птичку , обезьяну коверкающуюся и волка свирѣпствующаго.

Альцестъ.

Что ! попусти я себя обманывать , безчестить , окрадывать , не . . . о ! . . . я не могу больше говорить ; такъ твои разсужденія несносны.

Филинтъ.

Правда лучше сдѣлаешь , когда умолкнешь . Лучше меньше брани своего соперника , а больше къ иску старанія прилагай .

Аль.

Альцестъ.

Не хочу о томъ и думать; я ужъ сказалъ.

Филинтъ.

Да ктожь за тебя будетъ стараться?

Альцестъ.

Кто? . . . Разумъ; мое правое дѣло и правосудіе.

Филинтъ.

Такъ ты ни одного судью попросишь не хочешь?

Альцестъ.

Нѣтъ; развѣ мое дѣло не право, или сомнительно?

Филинтъ.

Я не спорю; однако пройски хитры и . . .

Альцестъ.

Нѣтъ, я не хочу ни шага для того скупить, что мнѣ до того! пусть я буду правъ, или виноватъ.

Филинтъ.

Не полагайся на то.

Альцестъ.

Я съ мѣста не сойду.

Филинтъ.

Противная сторона сильна, и можетъ пронырствомъ - - -

Аль-